

Александр Орлов

ЗАБЫТЫЙ МАСТЕР ИСЧЕЗНУВШЕГО СТИЛЯ

(Особенности творчества
прозаика Владимира Тендрякова)

Александр Владимирович Орлов родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, Московский институт открытого образования. Работает учителем. Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Литературная учеба», «Сибирские огни», «Юность» и других изданиях, антологиях, альманахах. Автор четырех книг стихотворений и сборника прозы. Обладатель золотого диплома и лауреат международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и ряда других литературных наград. Живет в Москве.

В гостях у Владимира Андреевича и Галины Степановны Костровых по обыкновению мы говорили обо всем долго и много, но когда я вспомнил, что первый приз в номинации «Лучшее цифровое издание» на Открытом конкурсе изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ получило собрание сочинений Владимира Федоровича Тендрякова, то поймал грустный взгляд Галины Степановны. Я говорил о том, что произведения Тендрякова озвучили известные актеры Сергей Гармаш, Михаил Горевоу, Александр Ключкин, Вениамин Смехов, Максим Суханов, однако задумчивая тоска не сходила с лица жены народного поэта.

«Ты знаешь, Саша, я позвонила Тендрякову, когда начинала работать с его рукописью, и сказала:

— Владимир Федорович, я уйду в отпуск, а когда выйду, то мы с вами сразу заключим договор. Подождете?»

Он рассмеялся и ответил: “Да, подожду, куда я денусь”. Никогда не забуду этот смех и то, как он по-вологодски окал.

Я уехала в отпуск. Прошло несколько дней. Все ушли на море, а я замешкалась и осталась одна в номере. В этот момент по радио объяви-

Владимир Тендряков

ли, что умер писатель Владимир Тендряков. Я сидела на кровати и плакала. Это было настолько неожиданно. Ты знаешь, Саша, он же очень следил за собой. Жил по строгому распорядку. Бегал по утрам. И вот так после очередной утренней пробежки пошел в душ и умер. Инсульт... да, точно у него случился инсульт. Ой, Саша...»

И Галина Степановна замолчала на несколько минут, а потом продолжила:

«Помню, когда началась перестройка и к нам в издательство “Молодая гвардия” пришел комсомольский секретарь, я за-

говорила о Тендрякове — весь зал замер. Он стал никому не нужен. От него мгновенно отказались. Но ведь Тендряков — это крупный русский писатель, самая его большая беда, что он был русский, а наша еще большая беда, что его поколение пыталось нам оставить многое, а от многих из них отреклось. У меня слезы наворачиваются, когда мы говорим о Владимире Федоровиче».

С горечью надо признать, что канувший в прошлое мастер остросоциальной прозы, выработавший уникальный стиль, и в наши дни никому не нужен. Не нашлось ни одного человека, кто после победы на Открытом конкурсе изданий «Просвещение через книгу» цифровой книги Тендрякова написал бы о нем отзыв. Об этом в разговоре посетовал и я.

— Ни единого! — И Галина Степановна сомкнула ладони на груди.

— Никого... Желаящих не появилось по причине атеизма самого Тендрякова и его произведений, — объяснил я.

— Ты знаешь, Саша, мало кому известно, но Владимир Федорович был знатком Ветхого Завета, он даже в разговоре порой многое цитировал из книг, написанных до Рождества Христова. Конечно, ветхозаветные знания были получены Тендряковым под влиянием его жены Натальи Асмоловой, которая работала редактором журнала «Знамя», — Галина Степановна уже не могла остановиться в воспоминаниях о Тендрякове, за которыми последовали разговоры о Василии Шукшине, Валентине Распутине, Василии Белове...

В тот вечер мы вспоминали пятидесятые годы двадцатого века, говорили об этом десятилетии как об особом периоде в истории советской литературы. Владимир Андреевич Костров с особой любовью вспоминал это время, так как сам себя называл «пятидесятником». Костров говорил о том, что к писательскому поколению, к которому относился Тендряков, принадлежали Федор Абрамов, Алесь Адамович, Виктор Астафьев, Василий Быков, Сергей Викулов, Олесь Гончар, Сергей Крутилин, Сергей Орлов, Александр Твардовский и многие другие. Владимир Андреевич вспоминал, что его друг и коллега по работе в журнале «Новый мир», главный редактор, писатель и общественный деятель Сергей Залыгин называл Михаила Шолохова бесспорным лидером этого поколения, которое сформировало новое литературное направление, способное влиять на время и общество. В этот момент я подумал, что судьбы литераторов середины двадцатого века были во многом похожи до 1991 года, но когда прекратил свое существование Советский Союз, еще здравствующие и полные сил писатели приняли разные стороны. Почему?

Что это было? Предательство, обида, месть? Эти вопросы остаются без исчерпывающего ответа и по сегодняшний день.

Прошло время. Я долго и мучительно размышлял, почему меня не оставляет в покое тематика произведений Тендрякова? Я понимал, что в своих произведениях Тендряков производил социологические исследования духовно-нравственного состояния общества. Эти опыты были небезопасны, они имели как прижизненные, так и посмертные последствия. Но что я вдруг начал искать в его, казалось бы, кощунственном произведении «Чудотворная»? По своей природе я не могу не читать, не смотреть подобных творений, но что так притягивает и отталкивает одновременно? Мистическое выражение лица самого Тендрякова, который мог бы олицетворять фильмы Альфреда Хичкока и Дэвида Линча? Что?

В знании деревенского быта Тендрякову не откажешь, он не просто видел, но и невольно засвидетельствовал, что во времена нового витка гонений на православное христианство в России вера была жива. Сам Христос находился среди народа до время молитв в этих убогих от обнищания русских деревнях. Когда вокруг виднелись купола без крестов разрушенных храмов и монастырей, где было поругано все и вся, Он был с нашими сродниками, Он никогда не оставлял нашу землю.

Я стал думать, что во всей психологической конфронтации тендряковского посыла главное? На что нужно обращать внимание, хотя можно этого и не делать? По моему мнению, его произведение — это предупреждение всем нам, что отход от Бога, которому были подвержены народы в XX веке, ведет в бездну. В каждом из нас живет Родька Гуляев, каждый из нас словно находит этот чудотворный образ, а потом оскверняет его грехопадениями. Так мы становимся подобны Родьке, разрушающему икону напополам, так мы уничтожаем божественное чудо нашего появления и существования, не понимая, что в этот момент становимся подобны и продажному казначею Иуде, и осатаневшему первосвященнику Кайафе, и римским легионерам, распинающим Христа. Как мне кажется, Тендряков, в своем творчестве устремленный к демонстрированию силы нравственной истины, сам не всегда подозревал, какие смыслы зарождаются в его разноречивых произведениях против его авторской воли. В его, на первой взгляд, остросюжетной хрущевской богоборческой конъюнктуре происходила великая борьба за воскрешения в человеке зраков Господа нашего Иисуса Христа. Тендряков прикоснулся к тому, чего не ведал, к тому, что было способно изменить его навсегда. Стоит обратить внимание и на то, что повесть «Чудотворная» была закончена в 1958 году.

Что происходило в этот год? Революции на Кубе и в Ираке, восстание в Венесуэле, военный переворот в Судане, пленум ЦК КПСС обсудил отставку Николая Булганина с поста председателя Совмина СССР, правительство возглавил Никита Хрущев, после XIII съезда ВЛКСМ первым секретарем ЦК ВЛКСМ избран Владимир Семичастный, началось создание советских ракетных баз в ГДР, Польше и Чехословакии, результатом Тайваньского кризиса стало выступление Хрущева, в котором говорилось, что нападение США на КНР будет расценено как нападение на СССР, прошли переговоры между СССР, США и Великобританией по вопросу прекращения испытаний ядерного оружия, в плотных слоях атмосферы сгорел второй космический аппарат «Спутник-2», был реабилитирован Павел Флоренский, исключен из СП СССР Борис Пастернак, отказавшийся от Нобелевской премии по литературе...

То есть во время холодной войны, ядерной и космической гонок, мифической хрущевской оттепели, попыток уничтожить православное вероисповедание, мировой деколонизации, революций и войн, фактически на пороге очередной всемирной катастрофы советский писатель Тендряков пишет об обретении ранее утраченного чудотворного образа святителя Николая архиепископа Мирликийского в глубинке коммунистического рая. Выбор, павший именно на святителя Ни-

колая, свидетельствует о знании Тендряковым особого отношения к этому праведнику в православии, который почитался как национальный святой, покровитель русского народа и крестьянский заступник; из этого следует, что автору был известен и Новый Завет. Выпускник Литературного института имени Горького, обучавшийся на семинаре Константина Паустовского, мастерски описывает не только природу, но и поруганный храм, повествует о репрессированном местном священнике, описывает скрытую христианскую общину, в которую входят и богомольные вековухи, и инвалид Великой Отечественной войны, и местные активисты, и представители среднего возраста. Не много ли верующих для одного населенного пункта во времена публичного безверия? При этом социальная группа разнородна, и она словно противопоставляется новому поколению юных безбожников. Кого мы видим среди сохранивших православие в этом селе? Затравленных сталинскими репрессиями людей, которые прошли испытания величайшей катастрофой всех времен и народов, послевоенной разрухой, голодом и мором, и после всего этого перед ними вдруг засверкала надежда на обретения тихого мира. Но эта надежда мгновенно была уничтожена, и это было сделано в высшей степени цинично и жестоко. Не только новые репрессии начали сотрясать нашу страну. Бывший член кровавых троек, виновный в арестах и казнях в Московской области и на Украине, возглавил страну, и началась новая зачистка под прикрытием оттепели. Это все выпало на жизнь нашего народа и персонажей повести «Чудотворная». И вот вдруг именно у них в селе происходит обретение чудотворного образа и рождается вера в мальчишку, нашедшего икону, которая оберегала все местные просторы десятилетиями. Вера в него, как в небесного избранника. Разве после развенчания культа личности Сталина не верили так новому генеральному секретарю КПСС народы СССР? Разве с его приходом светлое будущее не показалось ближе? Разве солнечные лучи не становились теплее? Разве не ушла затянувшаяся лютая зима? Разве не пришла Оттепель? Верили! В русском народе могучая и неугасающая вера долгожданна и наивна, поэтому вера в селе в силу иконы и вера в нового лидера коммунистической империи по национальному признаку однородны.

На Родьку Гуляева обрушится так много, сколько впоследствии будет выпадать на поколения рожденных в СССР до момента прекращения этого государственного существования. Но и это событие станет всеобщей трагедией для ранее объединившихся народов. Что останется? Останется вера, которая, как и в повести «Чудотворная», не исчезла из сердец жителей села Гумнице, в котором жил мальчик Родион. Не знаю, чем руководствовался Тендряков, выбирая имя для героя своей шумевшей и отвратно экранизированной повести, но имя Родион пришло на Русь из Византии, и полное имя Иродион с древнегреческого переводится как «герой» или «героический» (так звали апостола от 70-ти епископа Патрасского); в древности так именовали церковнослужителей, а первоначально это имя обозначало жителей острова Родос. Как мы знаем, Родька Гуляев жил в селе Гумнице, а название села происходило от слова «гумно», а гумно — это расчищенный и, как правило, огороженный участок земли, на котором складывали скирды необмолоченного жита. На этом уютном участке производился обмолот и веяние зерна. Это своеобразный крестьянский остров. Как мне кажется, село Гумнице и выглядит таким островом, где возникает острая конфликтная ситуация, с которой каждый из нас сталкивался. Это ситуации веры и безверия, это время, когда мы слышим и видим Бога или, наоборот, утрачиваем веру в него. Гумнице — этот остров старорусской цивилизации, крепко огороженный от сквозняков перемен. Здесь не встретишь ярко выраженных стилиг в солнцезащитных очках, не услышишь Луи Армстронга, Элвиса Пресли, Роя Орбисона, не поговоришь о творчестве Эрнеста Хемингуэя или Антуана Сент-Экзюпери, сюда не про-

никает вселенская новь, здесь люди живут отдаленно с Богом или с отрицанием Его существования, и это главное, что происходит в их жизни до самого исхода. Они — представители народа, насильственным путем поставленного перед главным выбором в человеческом бытии, и этот народный выбор заключен в будущем отрока Родьки Гуляева. Случайно или намеренно, но имена отпавших от православия героев Владимира Тендрякова и Федора Достоевского одинаковы, судьбы их трагичны, как бездонны в своем падении судьбы самоубийц и убийц, но им снова даруется жизнь. Кем? Как она пройдет далее, каждый вправе решить для себя сам, но этот открытый финал произведений русских писателей говорит о глобальной проблеме русского народа — о национальной самоидентификации, о православном вероисповедании. Родион, Родька, Родя или род русских людей, вскормленных православной страной, — возродится ли он? Разве не это завещал нам писатель-фронтовик, опиравшийся на исторический опыт и художественный анализ жизни общества, получивший ранения под Сталинградом и Харьковом во время Великой Отечественной войны, комиссованный в 1944 году младший сержант Владимир Федорович Тендряков?

